

ЮРКИ ПААСКОСКИ

ЖАЛОВАННЫЕ ЗЕМЛИ НА ТЕРРИТОРИИ
СТАРОЙ ФИНЛЯНДИИ, 1710–1812

Старая Финляндия, или Выборгская губерния

Выборгская провинция и провинция Кюминкартано, перешедшие по Ништадскому миру (1721 г.) и Абоскому миру (1743 г.) к Российской империи от королевства Швеции, образовали своеобразную с точки зрения истории и географии территорию. Не считая карельской Кексгольмской провинции, Выборгская провинция, начиная со Средних веков, находилась в сфере влияния Швеции. Великая Северная война (1700–1721 гг.) привнесла в ситуацию географические изменения, сдвинув пределы границ между Финляндией и Швецией примерно на ту линию, которая сегодня разделяет границы Финляндии и России. В результате т. н. войны «шляп» (1741–1743 гг.) государственная граница была перенесена западнее к Кюмийоки и Саймаа. К образованной в 1744 году Выборгской губернии кроме Выборга были отнесены небольшие города и крепости Кексгольма, Сердоболь, Вильманstrand, Фридрихсгам и Нейшлот.

Термин «Старая Финляндия» с географической точки зрения является синонимом Выборгской губернии, возникновение же самого понятия относится к войне 1808–1809 гг. между Швецией и Россией. В результате войны Россия присоединила к себе оставшуюся часть «шведской» Финляндии, что привело к необходимости терминологически разделить две финские территории, ставшие частью империи в разное историческое время. Таким

образом, в России земли, присоединенные в 1700-х годах, стали называть «Старой Финляндией», а территории, завоеванные в 1808 году и присоединенные в 1809 по Фридрихсгамскому мирному договору, — «Новой Финляндией». В финских исторических исследованиях термин «Старая Финляндия» используется с 1830 года в описании финских земель, перешедших к России в 1721 и 1743 годах.

Декабрь 1811 года стал одним из ключевых в истории Старой Финляндии: Александр I опубликовал указ, по которому с наступлением 1812 года территория Старой Финляндии становилась частью Великого Княжества Финляндского в составе Выборгской губернии. В 1920 году в Тарту во время подписания мирного договора Советской Россией и Финляндией, объявившей о своей независимости в 1917 году, в качестве границы, разделяющей государства, была зафиксирована линия, установленная указом Александра I на смене 1811 и 1812 годов. Данная линия границы сохранялась между Финляндией и Советским Союзом вплоть до окончания Зимней войны в 1940 году.¹

Старая Финляндия является интересным примером того, как многонациональная Российская империя 1700-годов интегрировала завоеванные, так называемые «нерусские земли».² В российской Выборгской губернии придерживались земельного закона, введенного шведом Кристофером Баварским (1442 г.), и закона о городском управлении Магнуса Эрикссона (1357 г.), а также шведских правовых норм, земельного и подушного налогов. Соответственно, в губернии Кюминкартано следовали последнему общепринятому шведскому закону от 1734 года, который, согласно указу Екатерины II, стал распространяться и на Выборгскую губернию, начиная с 1763 года. Региональное управление было также образовано по шведской модели разделения территорий на губернии (лены). Указов, выпущенных императорами, императрицами, а также Правительствующим Сенатом, естественно, придерживались, но в самих указах не было заложено стремление «обрусить» территории, или раз-

¹ Юрки Пааскоски. Российская Империя и становление Великого Княжества Финляндского 1808–1820 // *Venäjäin keisarikunta ja Suomen suuriruhtinaskunnan synty 1808–1820 / Arkistolaitoksen toimituksia 6. toim.* Pertti Hakala. Helsinki, 2009. S. 91–92, 115–116.

² Andreas Kappeler. *Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall.* München, Beck 1992. S. 57.

рушить систему норм и принципов, унаследованную от шведской власти.³

В начале 1784 года вступила в силу предпринятая Екатериной II губернская реформа, которая стала значительным шагом для всей империи по унификации основных административных и юридических принципов. Для Старой Финляндии это означало отказ от шведских норм налогообложения и переход на российский подушный налог, а также принятие российской административной и судебной системы. При этом шведские законодательные нормативы оставались в силе. Павел I, взойдя на престол в 1796 году, отделил принципы управления землями внутри империи от принципов управления «нерусскими территориями», в число которых вошла и Старая Финляндия, возвратив ей в общих чертах прежнюю административную и юридическую организацию, не отменив лишь подушный налог.

Особенное юридическое положение Старой Финляндии, основанное на шведских административных традициях, подверглось в течение 1700-х годов серьезной проверке из-за дворянства, владевшего дарованными землями и стремившегося создать на них более эффективное усадебное хозяйство. Конфликты между дворянами-землевладельцами и административными и судебными органами стали возникать с конца 1770-х годов в связи с тем, что шведские нормативы, принятые в Старой Финляндии, не определяли крестьян как крепостных. В этой статье рассматривается владение землями российским дворянством и зарождение системы так называемых жалованных земель, а также проводится анализ причин, которые привели к усилению социального напряжения на описываемых землях.

Первые дарованные земли

По указу королевы Швеции Кристины в период с 1649 по 1651 год было даровано от 11 до 12 земельных участков в Выборгской губернии и в губернии Савонлинна аристократам, занимавшим высокие военные и государственные чины, за служебные заслуги. Речь идет о государственном дарении, право собственности на которое было жестко ограничено. Владельцы не имели права передавать земли по наследству, а жалованная грамота описыва-

³ Юрки Пааскоски. Российская Империя и становление Великого Княжества Финляндского 1808–1820. С. 103.

ла право на владение как «временное», «пожизненное». В рамках проведенной в 1680 году редукции земли, жалованные должностным лицам за их заслуги, были возвращены короне.⁴

В России до 1714 года земельные владения дворян были разделены по той же модели на два типа. Существовали вотчины, потомственные земли, переходившие потомкам по наследству, и поместья, владение которыми даровалось на ограниченный период времени или, самое большее, на время жизни вдовы дворянина-землевладельца. Тем не менее на практике поместья продавались, покупались, завещались и наследовались как вотчины. Сложившееся положение было узаконено Петром I указом от 1714 года, по которому поместья прекращали существование, а все земли, находившиеся во владении дворянства, признавались подлежащими наследованию и фактически становились вотчинами. Земли, находившиеся в собственности, наследовал старший в дворянском роду мужчина. Его родственники, оставшиеся без наследства, должны были доказать свою способность служить государству и могли лишь надеяться на благосклонность государя в получении земли и крепостных.⁵

Для Старой Финляндии период русского владения жалованными землями начался после присоединения Выборга, когда Петр I 21 июля 1710 года даровал первому обер-коменданту города, бригадиру Г. П. Чернышеву, 92 надела, облагавшихся налогами, в волости Муолаа. Речь идет о жаловании земли должностному лицу за заслуги. Условием дарения было обязательство обер-коменданта следить за состоянием земель. По окончании срока дарения право владения аннулировалось и территория могла быть передана новому хозяину. В течение 1714 года Петр I жаловал еще три похожих с юридической точки зрения участка, находившихся в районе Кексгольма. Комендант Олонца и руководитель Петрозаводского металлургического и оружейного завода подполковник В. де Геннин получил в 1711 и 1714 годах двор в деревне Асила, волость Хийтола, и 66 крестьянских наделов. Граф И. А. Мусин-Пушкин, президент Штатс-конторы и тайный советник, получил в 1713 году 91 надел в волости Саккола, вице-

⁴ Mauno Jokipii. Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat I. // Historiallisia Tutkimuksia XLVIII: 1. Helsinki 1956. S. 42–48; Eino Jutikkala. Atlas of Finnish History // Suomen tiedettä n: o 2. Porvoo 1959. S. 38–39.

⁵ ПСЗ (V) 2789 (23.3.1714); Jyrki Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom in 'Old Finland' // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth Century Russia, Gargnano, 1994. La Fenice Edizioni 1996. S. 83.

президент Военной коллегии, генерал А. А. Вейде, был жалован двором в деревнях Вехмайнен и Лейниккяля в волости Рауту, а также получил 188 наделов в 1714 году.⁶

Одним из первых признаков особенного административного положения Выборгской губернии можно считать то, что изданного Петром I в 1714 году Указа о единонаследии, объединившего поместья и вотчины, не придерживались на данной территории, где по-прежнему пользовались шведскими судебными и административными нормами, хотя по этому поводу не было заключено никакого специального договора или соглашения. Когда владелец жалованной земли умирал или терял свое высокое должностное положение, его потомки были вынуждены оставить земли, полученные в Выборгской губернии.⁷

Владельцами дарованных поместий часто оказывались президенты коллегий, вице-президенты и другие высшие чины. В 1715 году адмирал, а позднее вице-президент Адмиралтейств-коллегии Корнелиус Крюйс получил по распоряжению Петра I 131 надел в районе деревни Куркийоки. В 1716 году будущий президент Юстиц-коллегии, тайный советник, граф А. А. Матвеев получил 132 надела в Валкеала, также в 1716 году будущий президент Торговой коллегии, граф П. М. Апраксин получил 246 наделов в районе Липери. Значительное место среди приближенных Петра I занимал придворный церемониймейстер К. И. да Коста, в дар которому в 1718 году были переданы внешние острова Финского залива, а именно Гогланд, Мощный, Сескар и оба острова Большой Тютерс. В эту же группу приближенных влиятельных чиновников входил отпрыск рода Нарышкиных гофмаршал К. А. Нарышкин, который получил в 1716 году 102 надела в Вехкалаhti, а также М. М. Самарин, отвечавший в Сенате за распределение жалованных земель, который с 1716 года получал налоговую прибыль со 131 надела в районе Иломанси.⁸

Дарения также распределял А. Д. Меншиков, занимавший должность генерал-губернатора Санкт-Петербурга. В его владении под управлением обер-коменданта Выборга находились земли вдоль реки Кюмийоки, озера Саймаа и вплоть до современной Северной Карелии. Вплоть до 1720 года на территориях

⁶ Matthias Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. Helsingfors 1864. S. 52–53; Jyrki Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat 1710–1826 (Diss.) / Bibliotheca Historica 24. Helsinki 1997. S. 63–64, 66–67.

⁷ J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom in 'Old Finland'. S. 84.

⁸ Matthias Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. S. 53–54.

обер-коменданта было совершено 28 donations, из которых 10 были сделаны Меншиковым, при этом 8 из них представляли земли за пределами Выборгской губернии в районе Восточной Финляндии, а 7 были переданы в период с марта по август 1716 года. Самые западные из дарованных Меншиковым участков находились в восточной части Кюмийоки, а также в северной части Кексгольмской провинции.

Указ Петра I от января 1720 года играл важную для Старой Финляндии роль с точки зрения системы дарованных земель. По этому указу с западной стороны от Выборгской дороги и Кексгольма все donations аннулировались, а налоговые доходы отчислялись в государственную казну. Сохранение дарений с восточной стороны говорит о том, что Петр I был полон решимости выровнять северо-западную границу, пролежавшую на линии крепостных укреплений Выборга и Кексгольма. На тот момент еще никто не знал о том, где пройдет граница Финляндии по Ништадтскому мирному договору 1721 года.⁹

Вторая причина указанных действий заключалась в том, что власти стремились получать дополнительные прибыли с налогов. В России шел процесс реформирования принципов регионального и местного управления, для завершения которого были необходимы дополнительные доходы с налогов. Получить их представлялось возможным, лишь отменив систему дарения земель. О стремлении к увеличению налоговых доходов свидетельствует и то, что месяцем позже Камер-коллегия и обер-комендант И. М. Шувалов утвердили новые фиксированные налоги.¹⁰

После указа о возврате земельных дарений, в Выборгской губернии осталось 8 жалованных участков, так как возвраты затрагивали волости на восточной и южной сторонах от дороги. Таким образом на момент подписания Ништадтского мирного договора 1721 года существовало 8 жалованных территорий: donation Чернышева в Муолаа, которая состояла из 34 наделов, donation генерал-майора С. И. Алабардеева, в которую входило лишь 6 наделов в Выборгской волости, а также внешние острова да Косты в Финском заливе. Аннулированная donation Крюйса в Куркийоки была возмещена ему соответствующим по размеру земельным дарением в 133 надела в волостях Уусикиркко, Койвисто и Йоханнес. В группу донатариев вошли также тайный советник, граф

⁹ ПСЗ (VI) 3489 (16.01.1720).

¹⁰ Matthias Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. S. 55–56; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat 1710–1826. S. 69–70.

И. А. Мусин-Пушкин, тайный советник и член Правительствующего Сената Я. Ф. Долгоруков, генерал-фельдмаршал Я. В. Брюс и комендант крепости Кексгольм полковник Чоголков. Все земельные участки были временными дарениями за служебные заслуги и не являлись наследуемой собственностью.¹¹

Налоговая ревизия 1728 года

О налоговом бремени крестьян, которые работали и жили на жалованных землях, не сохранилось никаких систематически упорядоченных данных до 1728 года. В 1714 году в силу вступило налогообложение, введенное Меншиковым и утвердившее налог, который крестьяне должны были выплачивать казне, а именно — единый годовой земельный налог (1 рубль 40 копеек). В сравнении со «шведской» Финляндией налоговое бремя государственных крестьян российской Старой Финляндии было слабее, даже несмотря на то, что в 1720 году его увеличили (2 рубля за надел). На жалованных дворянству наделах крестьяне дополнительно платили оброк и барщину, которые при общем подсчете составляли 7–9 рублей.¹²

В середине 1720-х годов было реформировано налогообложение нерусских провинций империи. В 1725 году вышел указ о налоговой проверке Эстонии и Ливонии, которая должна была базироваться на принятых в регионах нормах и практиках.¹³ В указе 1726 года о налогообложении Выборгской провинции, составленном императорским Верховным тайным советом, говорилось, что все налоги должны были учитывать шведские нормативы.¹⁴ Указ касался в том числе земель, находившихся во временном владении представителями дворянства или в повторном дарении, которые государство планировало в неопределенном будущем получить обратно в платежеспособном с точки зрения налогов состоянии.

Указ отличает тот факт, что по Ништадскому мирному договору жителям Выборгской провинции была обещана лишь свобо-

¹¹ Matthias Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. S. 57–58.

¹² J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 172–175.

¹³ Astaf von Transehe-Roseneck. Gutsherr und Bauer in Livland im 17. und 18. Jahrhundert // Abhandlungen aus dem staatswissenschaftlichen Seminar zu Strassburg / Heft VII. Strassburg 1890. S. 113–117; Juhan Kahk. Eesti talurahva ajalugu I. Tallinn 119. S. 572; A. Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. S. 60.

¹⁴ ПСЗ (VII) 4873 (20.10.1726), § 7.

да исповедания лютеранства, в то время как для аристократии и жителей городов Эстонии и Ливонии были предусмотрены более широкие привилегии. Российское правительство объединило все завоеванные у Швеции земли в единое целое. На территории этих земель предписывалось придерживаться прежних привилегий и норм. Положение получило поддержку у специально образованной в 1720 году в Петербурге Камер-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел, в область ответственности которой входила также и Выборгская провинция.¹⁵

Налоговая проверка всех крестьянских наделов Выборгской провинции была проведена в 1727–1728 годах. По ее результатам для Старой Финляндии были определены земельные и подушные налоги, основанные на шведских нормах, при этом на территории отменялась российская подушная подать. Крестьян, работавших на жалованных землях, отличало то, что общую сумму налогового бремени определяли не хозяева-дворяне, а представители императорской власти. В результате ревизии вышло постановление, что с нововведенных налогов владелец земли оставлял себе две трети дохода, а одну треть передавал короне.¹⁶

Налоговая система, введенная в Выборгской провинции, значительно отличалась от системы, установленной на русских территориях империи. В России власть ориентировалась на подушный налог с крепостных, который хозяин выплачивал согласно периодическим ревизиям. Государство не вмешивалось в оброк и барщину, которые дворянство самостоятельно устанавливало для своих крепостных. В Выборгской провинции, напротив, власть контролировала налоги с земель, находившихся во владении дворянства, и не давала аристократии самостоятельно устанавливать налоги для крестьянства.

Принципы и правила налогообложения дарованных земель, установленные в 1728 году, сохранялись до начала 1770-х годов. Тем не менее, начиная уже с 1760-х годов, ощущалась необходимость налоговой реформы, так как в Старой Финляндии наблюдались быстрый прирост населения и увеличение возделываемых земель. С точки зрения дворянства проблема заключалась в том, что изменения в налоговой платежеспособности крестьян никаким образом не приносили пользу хозяевам земель. Государство

¹⁵ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 176.

¹⁶ Kansallisarkisto (KA). Viipurin ja Käkisalmen läänien pöytäkirjaosa KA 9818, ja Viipurin ja Käkisalmen läänien maakirja, KA 9822. J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 176–180.

также стремилось к реформам в сфере налогообложения: в августе 1765 года был опубликован указ об образовании новой Ревизионной комиссии по межеванию земель. В задачи комиссии входила подготовка и осуществление новой налоговой ревизии, которая включала бы новое распределение налогов как для государственных, так и для жалованных земель.¹⁷

Проект продвигался медленно, в связи с протестами дворян и крестьянства. Дворянство расширяло свои усадебные хозяйства и ни при каких условиях не хотело, чтобы государство вмешивалось указами во внутренние налоговые взаимоотношения с крестьянами. Крестьяне не поддерживали ревизию, потому что ее принятие означало бы новое повышение налогов. Данная ситуация привела к задержкам в работе Ревизионной комиссии, которая была полностью остановлена в 1788 году из-за войны, разгоревшейся между Россией и Швецией. Комиссия вновь приступила к работе лишь в 1792, но уже в 1802 году ее деятельность вновь была приостановлена, а новые налоговые принципы так и не были осуществлены на практике. Причины неудавшейся деятельности Ревизионной комиссии можно искать в том числе в событиях, происходивших на дворянских землях, в изменявшихся правах собственности и в экономических преобразованиях.¹⁸

Расширение прав собственности на жалованных землях

После смерти Петра I положение дворянства в России укрепилось. Во времена правления императрицы Анны Иоановны с 1730 по 1740 годы дворянство получило раскрепощение в обязательной военной службе, а также возможность наследовать собственность в рамках расширенных правил майората. В феврале 1762 года Петр III специальным Манифестом о вольности дворянства окончательно освободил его от обязательной военной и гражданской службы.¹⁹ Укрепление дворянского положения было также заметно и в Старой Финляндии.

Земельные наделы, находившиеся во владении дворянства, утверждались жалованными грамотами государей и императриц, в которых служивому дворянину или офицеру даровали опреде-

¹⁷ РСЗ (XVII) 12 445 (1.8.1765).

¹⁸ M. Akiander. Om donationerna i Wiborgs län. S. 101–107; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 62–71.

¹⁹ РСЗ (XV) 11 444 (18.2.1762).

ленное количество крестьян или наделов в конкретной волости, провинции или губернии. Решения верховного правителя о дарении Правительствующий Сенат заверял контрольной подписью, а также отправлял в Камер-коллегию и в Ревизионную коллегию официальное заявление о принятии дарения. Чиновники должны были принять документ, а также совершить общий подсчет налоговых доходов с дарованных наделов в той или иной провинции или губернии. Затем коллегии передавали полученные данные местному управлению. В случае с Выборгской провинцией информация передавалась сначала в Камер-коллегию Лифляндских и Эстляндских дел, которая затем переправляла ее дальше обер-коменданту Выборга.²⁰

Для дворянства жалованная грамота была значимым документом, так как в ней указывались территория и условия дарения. Жалованные грамоты служивым чинам, составленные Петром I и А. Д. Меншиковым, не сохранились, но из корреспонденции должностных лиц известно, что они не содержали четкой терминологии по отношению к дарениям. Земли жаловались «временно», «на умеренный период времени» или «до смерти» владельца, статус дарения определялся как «владение». Единственным исключением была донация обер-коменданту Г. П. Чернышеву, которая жаловалась в «вечное владение». Тем не менее данная донация также была возвращена государству в течение 1720-х годов и в течение 1730-х заменена землями в волостях Муолаа и Валкярви.

Усиление позиций дворянства стало отчетливо заметно, начиная с 1730-х годов, в Выборгской провинции — с 1740-х. В 1734 году действительный камергер, граф П. С. Салтыков, получил в волости Пюхьярви 17 деревень в «вечное и потомственное владение». В российском контексте это означало «полное вещное право», то есть право на наземные и подземные ресурсы, на водные территории, на крестьян, а также право продавать, завещать и закладывать земельную собственность, оформленную подобной формулировкой.²¹

Генерал Д. А. Шепелев в январе 1741 года по указу регента Э. И. Бирона и Анны Леопольдовны получил в волости Кивеннапа земли в «вечное и потомственное владение». Елизавета I, воз-

²⁰ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 76–77.

²¹ Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 2. 1851. С. 115–120; М. Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. S. 69–75; J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom. S. 84.

шедшая на престол в декабре 1741 года, отменила донацию, но уже через два месяца, будучи в статусе императрицы, вернула ее Шепелеву на прежних правах, а также, спустя еще какое-то время, присвоила ему звание генерала-аншефа и обер-гофмаршала. Жалованные грамоты Салтыкова и Шепелева с точки зрения словесных формулировок отличались друг от друга, кратко описывая их права по владению данной собственностью.²²

Жалованная грамота с более детальным содержанием была выдана действительному камергеру М. И. Воронцову в июле 1743 года. Грамота была личным дарением Елизаветы I земель в деревнях Куркийоки, Койтсанлахти (Париккала) и Яккима, которые она жаловала Воронцову в «вечное и потомственное владение». В Жалованной грамоте отдельно оговаривались права Воронцова на владение и управление крестьянскими наделами, полями, лугами, лесами и водами. Согласно грамоте крестьяне указанных наделов и их семьи также переходили во владение Воронцова.²³

В качестве примера расширенных форм земельного владения можно привести дарение генерал-прокурору Правительствующего Сената Н. Ю. Трубецкому, которому в декабре 1747 года жаловали 55 крестьянских наделов в районе Пюхьярви. В рамках этой же Жалованной грамоты он получил 5 усадеб в Лифляндии. Согласно Жалованной грамоте, земли Лифляндской губернии и Старой Финляндии переданы ему «в вечную и полную собственность», и права владения ими не отличаются по положению друг от друга. На смену понятию «владение» пришел новый термин — «полная собственность». Согласно Жалованной грамоте, донация Трубецкого включала крестьянские «наделы, деревни, поля, луга, леса, озера, реки, места рыбной ловли, мельницы и места их расположения, кабаки и места их расположения». Более того, к владельцу переходили сами крестьяне, как проживавшие на этих землях, так и беглые. В соответствии с новой терминологией и на таких же правах в 1760 году генерал А. Б. Бутурлин получил наделы в Старой Финляндии в Сулкава, Суоярви, Укууниemi, а также на востоке Лифляндии.²⁴

²² J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 77–78.

²³ Индова Е. И. Дворовое хозяйство в России в первой половине XVIII века. М. 1964. С. 292–294; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 78–79.

²⁴ Неволин К. История российских гражданских законов. С. 121–123; Бобович И. М. Землевладение и землепользование в «Старой Финляндии» в конце XVIII — первой половине XIX века // Скандинавский сборник XXVII. Таллин, 1982. С. 42–43; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 79–81.

В июле 1765 года вышел указ Екатерины II, согласно которому Жалованные грамоты о дарениях земель в Выборгской, Лифляндской и Эстляндской губерниях должны были содержать единые формулировки, после чего в Старой Финляндии были установлены три возможных типа дарения: высшую категорию составляли земли, переданные в «вечное и потомственное владение», другие два типа считались «срочными» и «временными» владениями.²⁵

В ситуации со Старой Финляндией проблема словесных формулировок стояла достаточно остро: с их помощью можно было точно установить юридическое положение земли. Унификация терминов, определявших право собственности, указывает на усиление дворянства, в том числе и на территориях Старой Финляндии. При этом возникала проблема, которая заключалась в том, что принципы владения, заложенные во времена шведского правления, входили в конфронтацию с унифицированными терминами земельной собственности.

Крестьяне дарованных земель Старой Финляндии изначально не были крепостными и считались индивидуально свободными, что ставило формулировки Жалованных грамот о собственности в противоречие с принятыми на территориях нормами. К тому же налоговой ревизией 1728 года было однозначно установлено, что корона и в дальнейшем имела право определять налоговые отношения донатариев и крестьян, независимо от содержания Жалованных грамот, указывавших на полное право собственности. Независимо от формулировок Жалованных грамот Салтыкова, Шепелева, Воронцова, Трубецкого или Бутурлина, чиновники местного управления придерживались в их отношении ровно того же порядка, что и в отношении временных донаций. Власть толковала это таким образом, что дворянству были дарованы лишь две трети годового дохода с земельного налога.

Изменения в праве собственности на жалованных землях

Расширение права собственности на землю отразилось на ее наследовании, завещании, закреплении, продаже, покупке и закладывании. Важной формулировкой при передаче прав собственности оставались слова «в вечное и потомственное владение», так как они подразумевали передачу земли с соблюдением «всех возможных прав и прерогатив».

²⁵ ПСЗ (XVII) 12 438 (22.7.1765).

В качестве примера наследования жалованных земель и разрушения правил майората можно привести историю территорий в волости Рауту после смерти графа А. М. Девьера в 1745 году. В 1727 году после высылки Девьера и его шурина А. Д. Меншикова в Сибирь земли Рауту были возвращены короне и в дальнейшем дарованы. В 1743 году императрица Елизавета Петровна возвратила Девьеру собственность и участки в волости Рауту. В 1745 году территории были поделены поровну между тремя сыновьями Девьера. Старинную усадьбу Сумбула и земли, находившиеся вблизи от нее, получил генерал-лейтенант Петр Антонович Девьер. В волости были образованы две новых усадьбы, из которых Лейниккяля досталась лейтенанту Антону Антоновичу, а Вехмайнен — капитану Александру Антоновичу.²⁶

Жалованные земли становились предметом завещаний, как показывает пример волости Салми. Речь идет о дарении 1725 года Карлу Арнандеру, ответственному инспектору Петергофских парков и садов, собственность которого унаследовала его дочь Катарина Штакельберг. После смерти Штакельберг, не имевшей детей, часть собственности была продана на аукционе в 1771 году, а наделы Салми были переданы члену Законодательной комиссии, профессору Е. Е. Урсинусу. Его грандиозные планы по расширению лесопильной промышленности испытали серьезные неудачи. Урсинуса спас граф Г. Г. Орлов, который купил все его наделы в 1777 году. Умерший в 1783 году бездетным, Г. Г. Орлов завещал земли своему брату — адмиралу, графу А. Г. Орлову-Чесменскому, которые затем были унаследованы дочерью последнего Анной Орловой-Чесменской в 1803 году.²⁷

Дворянин мог также заложить полученные в Старой Финляндии земли в счет долгов, как, например, поступил обер-гофмаршал Д. А. Шепелев, заложивший дарения в волости Кивеннапа в счет взятой у сенатора, графа П. И. Шувалова, ссуды. История всплыла после смерти Шепелева в 1759 году. В 1762 году Кивеннапа перешла сыну П. И. Шувалова, сенатору и графу А. П. Шувалову, который, в свою очередь, продал земли своему дяде И. И. Шувалову в тот же год. Данная сделка была первой в истории Старой Финляндии продажей земельного дарения.

Продажа и покупка жалованных земель участились в 1760–1770 годах. Предметом сделок обычно становились средние и мелкие территории, распределенные между наследниками.

²⁶ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 105.

²⁷ Ibid. S. 87–89.

Например, владелец Сумбула в волости Раута генерал-лейтенант П. А. Девьер продал унаследованную землю придворному аптекарю М. Х. фон Брискорну в январе 1767 года. Следующая сделка состоялась годом позже, в 1768 году: владельцы наделов в Петяярви волости Саккола президент Берг-коллегии, действительный государственный советник А. Э. Мусин-Пушкин и граф И. П. Мусин-Пушкин продали их государственному советнику, графу Я. Е. Сиверсу. Он, в свою очередь, продал земли петербургскому придворному банкиру, барону И. Ю. Фридрихсу в 1775 году. Годом ранее Фридрикс купил усадьбу Таубила в волости Пюхяярви у княгини Прасковьи Юрьевны Трубецкой, вдовы действительного камергера, графа П. С. Салтыкова.²⁸

При этом в купчих ничего не говорится о крестьянах, то есть душах, что наводит на размышления, становились ли крестьяне жалованных наделов предметом подобных сделок в принципе. С проприетарной точки зрения вопрос можно изучать на примере случаев, когда владельцы-дворяне стремились заложить крестьян в образованный в 1786 году Санкт-Петербургский государственный заемный банк.

В задачи банка входило содействие модернизации российской экономики, а также организация мануфактур и фабрик по образцу французской физиократии, принципы которой, начиная с 1765 года, продвигало в России Вольное экономическое общество. На выдаваемые банком ссуды строились новые лесопилки, образовывались шахты, закупались первые сельскохозяйственные машины и возводились новые промышленные здания. Часть выдаваемых кредитов шла также на содержание дворянства и на личные расходы — в частности, на строительство дворцов и парков английского типа. В качестве кредитной гарантии дворянин закладывал имеющихся в собственности крепостных: за одну крепостную душу можно было получить 40 рублей кредита. Сама практика свидетельствовала о том, что количество душ было мерилom собственности.²⁹

Для получения займа дворянин должен был доказать, что имеет право собственности на закладываемые крестьянские души. Контролем права собственности занимались Палаты гражданского суда, определявшие на основании формулировок

²⁸ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 103–109.

²⁹ ПСЗ (XXI) 16 407 (28.6.1786), § 1–3, 5, 7; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство в России во второй половине XVIII в. М. 1957. С. 422; Боровой С. Я. Кредит и банки в России. М., 1958. С. 57–58, 60–61, 65.

Жалованной грамоты или купчей, действительно ли закладываемые крепостные принадлежали дворянину, который запрашивал кредит.

Первые заявления на займы из Старой Финляндии были приняты к рассмотрению осенью 1786 года. Заложить крестьянские души и получить ссуду стремились владелец Кивеннапа генерал, граф И. П. Салтыков, владелец Муолаа и Валкярви, вице-президент Адмиралтейств-коллегии, граф И. Г. Чернышев, владелец усадьбы Таубила волости Пюхярви штабс-капитан Преображенского полка А. И. фон Фридрикс и владелец Рускеала-Пялкярви действительный камергер, граф П. Б. Бутурлин.³⁰ В ноябре 1786 года Выборгская палата городского суда установила невозможность единого подхода к финским крестьянам и русским крепостным, так как финские крестьяне являлись индивидуально свободными в отличие от прикрепленных к земле российских крестьян. Постановление означало, что крестьяне Старой Финляндии не являлись собственностью дворянина — владельца земли, а соответственно, их было невозможно заложить в качестве гарантии в Государственный заемный банк. Палата гражданского суда отправила свое решение по данному вопросу в Правительствующий Сенат, который подтвердил его 15.01.1787 специальным указом. Решение вызывало в среде дворян возмущение. Например, граф И. Г. Чернышев пытался обжаловать его как в Сенате, так и в банке, но безрезультатно.³¹

На решение повлияло принятое в течение 1700-х годов положение Старой Финляндии, в рамках которого на территории продолжали придерживаться шведских административных и земельных законов, а также закона 1734 года. Согласно данным законам, крестьяне дворянских усадеб не являлись крепостными и были индивидуально свободными, а значит, не могли быть заложены в качестве гарантии за займ.

Решение имело несколько последствий. Во-первых, часть высшего дворянства, владевшего землями на территории Старой Финляндии, продали свои наделы нижестоящим чинам и петербургским купцам. Например, Чернышевы, Салтыковы, Шува-

³⁰ KA. Vanhan Suomen tuomiokirjoja käskynhaltijakaudesta n: o 55, Siviiltribunaalin ptk: t 12.10., 18.11., 1.12. ja 16.12.1786. S. 1310–1313, 1513–1515, 1549–1550 ja 1613–1614; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 121.

³¹ KA. Vanhan Suomen tuomiokirjoja käskynhaltijakaudesta n: o 56, Siviiltribunaalin päätös n: o 9/1787 (26.1.1787). S. 17–18 ob; J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom. S. 85–86.

ловы и Голицыны продали свои земли коммерции советникам А. В. Ольхину и М. М. Бландову. Часть высшего дворянства, например Орловы и Воронцовы, решили сохранить земельную собственность в Старой Финляндии. В случае с Орловыми продажа не была актуальной, потому что в Салми уже располагались действующие лесопильные фабрики.

Во-вторых, были внесены изменения в формулировки последних Жалованных грамот, по которым положение крестьян было четко определено. По окончании войн против Османии и Швеции Екатерина II даровала новые участки на территории Старой Финляндии отличившимся в военных действиях офицерам. Формулировки грамот не следовали установленным указом 1765 года. В них лишь было указано, кому принадлежит дарение, какие деревни и какое количество душ относится к дарованной земле.

Грамоты получили, в том числе, майор М. Д. Олсуфьев, принимавший участие в войне против Швеции в 1788–1790 годах и ставший владельцем 250 душ в волости Виролахти, лейтенанты Х. К. Зигель и Г. Улмерн, каждому из которых было даровано по 100 душ в волости Йоутсено в 1790 году. Сражавшийся против Османской империи и отличившийся при взятии крепости в Анапе младший лейтенант Я. Л. Болотников получил 100 душ в волости Пюхтя. Отличившиеся на крупных строительных работах по возведению укреплений на территории Старой Финляндии, которые велись с 1791 года, артиллерийские инженер-офицеры полковник Ж. А. де Лумиан, лейтенант-полковник Ф. Ф. Штейнгель, капитан К. И. Опперман, генерал П. К. ван Сухтелен и несколько других персон получили от 150 до 300 душ. Крестьяне данных дарений также не приравнивались к крепостным, и дворяне не могли заложить их в Государственный заемный банк.³²

Стремление к эффективности усадебного хозяйства и налоговое бремя крестьян

Для Старой Финляндии временной промежуток с середины 1750-х годов до начала 1800-х был периодом роста населения и увеличения возделываемых земель. В 1765 году власть учредила Комиссию о государственном межевании, чтобы подготовить новые принципы налогообложения. Проект не удался из-за противостояния дворянства и крестьян. В рассматриваемый период

³² J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 95–100.

дворянство активно занималось развитием усадебного хозяйства и стремилось увеличить налоги, которые ложились на плечи крестьян. Результатом таких действий стало постепенное усиление социального напряжения на территориях жалованных земель, что стало отчетливо заметно начиная с 1770-х годов.

В Старой Финляндии центром поместья был двор (финск. *Но-ви*), или усадьба. Финское название происходит от немецкого слова *Нof* и отсылает к устройству усадеб в Лифляндии и Эстляндии. В первой половине 1700-х годов дворы Старой Финляндии были мелкими, не интересовали высшую аристократию, и владевшие тысячами крепостных Бутурлины, Чернышевы, Голицыны, Салтыковы, Шуваловы, Трубецкие и Воронцовы не ездили осматривать земельные владения в Старой Финляндии. В усадьбах проживали назначенные хозяевами управляющие, которые собирали установленные ревизией 1728 года налоги, удерживали с доходов хозяйские две трети, а остальное переправляли на государственные склады.³³

Оптимизация сельского хозяйства, организация мануфактур и развитие промышленности, начиная с 1760-х годов, стали общей тенденцией, которую направляло в нужное русло основанное в 1765 году Вольное экономическое общество. С точки зрения государства за счет развития можно было иметь дополнительные таможенные доходы и прирост числа населения. С ростом населения государство получало дополнительные доходы с налогов и солдат для службы в армии. Дворяне стремились к увеличению собственных доходов, к возможности вести и поддерживать шикарный образ жизни. В это же время началось расширение усадеб на дарованных землях. Крестьян, проживавших вблизи, либо выселяли с наделов, либо переводили в категорию безземельных крестьян при усадьбе, а сами наделы присоединяли к усадебным землям.³⁴

К данному периоду относятся и торговые сделки, в результате которых владельцами земель становились люди более низкого ранга, как с социальной точки зрения, так и с экономической. В их владении оказывалась одна или две усадьбы, возникала необходимость развития и увеличения дохода. Стремления помещика более низкого статуса к развитию подогревались бли-

³³ J. Paaskoski. *Vanhana Suomen lahjoitusmaat*. S. 211–213.

³⁴ J. Paaskoski. *Vanhana Suomen lahjoitusmaat*. S. 185, 216–218. В 1754 году население Старой Финляндии составляло 115 600 человек, а в 1802 — около 195 000.

зостью столицы страны — Петербурга. Большой город обладал стабильными рынками для сбыта продукции, а спрос был гарантирован благодаря постоянному росту населения. Дворянами такого рода были, например, фон Брискорны, Девьеры и фон Фридриксы, а также купившие земли в конце 1700-х годов Балезнуа, Гижицкие и Вейраухты, политическое и экономическое положение которых отличалось от положения Чернышевых, Голицыных, Салтыковых, Шуваловых, Трубецких и Воронцовых. Деятельность по экономическому развитию усадеб началась как раз тогда, когда владельцами земель стали именно дворяне более низкого ранга.

Для развития усадебного хозяйства дворянам было необходимо увеличить трудовую повинность крестьян. Подготовка земли к пахоте, посев и сбор урожая требовали большего количества рабочих рук, но нормы, установленные ревизией 1728 года, не позволяли владельцу увеличить трудовую нагрузку крестьян. Владельцы жалованных земель понимали, что шведские правовые стандарты, действовавшие в Старой Финляндии, нельзя было обойти так, как это можно было сделать в русских регионах империи. Возможность увеличить трудовую повинность нужно было искать в шведском юридическом опыте.

Дворяне пытались доказать, что жалованные земли являются шведскими фрельзами, переходящими по наследству. В таком случае крестьяне стали бы арендаторами земли. В шведском земельном законе Кристофера Баварского был пункт, по которому арендаторы должны были раз в шесть лет составлять с собственником земли налоговый контракт. Дворяне видели в контракте возможность обойти нормы ревизии 1728 года, получить резкое увеличение работающих крестьян, а обрабатываемые ими поля привести к налогообложению. В целом, императорская власть не возражала против налоговых контрактов, но требовала их подтверждения в местных судах. В то же время корона признавала, что налоговая ревизия 1728 года устарела.

Первый налоговый контракт был заключен придворным аптекарем М. Х. фон Брискорном при приобретении в августе 1772 года жалованной земли Сумбула в волости Рауту. По нему крестьяне были обложены, кроме установленных ревизией 1728 года налогов, также барщиной. Каждая вторая налоговая единица должна была отправлять одного мужчину-крестьянина в возрасте от 15 до 60 лет вместе с лошадью для работ на землях усадьбы. Крестьяне должны были также в течение двух недель в год либо на лошадях, либо на ногах работать в усадьбе в период

возделывания земли, посева, уборки сена и сбора урожая. Кроме того, крестьяне были обязаны осуществлять перевозку различных грузов. Рисуя на контракте крестик, крестьяне признавали, что налоговая ревизия 1728 года устарела.³⁵

Расширивший усадебное хозяйство фон Брискорн получил за счет заключения контракта дополнительные налоговые доходы с крестьян в форме трудовой повинности и обязательств по перевозкам.

По отношению к одной налоговой единице фон Брискорн получал 156 рабочих дней в год. Если на жалованной земле было около 36 налоговых единиц, которые обрабатывали крестьяне, то трудовая повинность составляла чуть больше 5600 рабочих дней в год. Если на территории налоговой единицы трудились в среднем 6 мужчин, то один мужчина в год выполнял около 26 дней трудовой повинности. В 1811 году налоговая ситуация Сумбула оставалась практически такой же, что и 30 лет назад, произошел лишь небольшой прирост налогового дохода, связанного с ростом населения. Фон Брискорны получали с крестьян около 6300 дней трудовой повинности в год. В сравнении с трудовой повинностью крепостных крестьян на исконно русских территориях, повинность крестьян фон Брискорнов в годовом исчислении была не столь высока.³⁶

На мелких и средних жалованных землях Старой Финляндии переход на контрактную систему произошел в период между 1770 и 1780 годами. Большая часть контрактов делала упор на барщину, но также заключались и денежные контракты, и контракты, связанные с зерновым оброком, как, например, в деревне Вехмайнен Николая Девьера в волости Рауту в 1781 году. Денежный контракт был плох с экономической точки зрения: в конце 1700-х годов Россия испытала инфляцию, связанную с бумажными рублями. В 1790-х годах на наделах Девьера налоговая нагрузка также приобрела форму барщины.

Налоговые контракты должны были проходить утверждение в судах. Другими словами, крестьяне жалованных земель были договоробязанными, и по собственному желанию они могли оспорить контракт или обжаловать вплоть до обращения к Правительствующему Сенату.³⁷ С юридической точки зрения

³⁵ J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom. S. 88–89.

³⁶ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 191.

³⁷ KA. Hallitsevan senaatin aktikokoelma n: ot 18 ja 26, Sumbulan lahjoitusmaan veroriidat 1781 ja 1783.

контракты были неудобны для дворян, так как в Старой Финляндии действовали шведские законы и постановления, по которым для заключения контракта было необходимо получить согласие крестьян. В результате владельцы жалованных земель пытались приводить в действие противоречивые контракты без согласия крестьян и судов низших инстанций. Как следствие, контрактная система ослабила авторитет судов и увеличила социальную напряженность на территории жалованных земель.

Контракт с крестьянами усадьбы Таубила и столкновения на жалованных землях

Налоговый контракт, заключенный в волости Пюхьярви на территории Таубила, принадлежавшей генералу А. И. фон Фридриксу, и последовавший за заключением судебный процесс стали поворотной точкой для структуры крестьянского налогообложения. В 1785 году фон Фридрикс составил контракт, налоги по которому значительно превышали обозначенные ревизией 1728 года. Часть крестьян не согласилась подписать контракт. Фон Фридрикс потребовал от крестьян, выступивших против, либо согласиться, либо покинуть наделы. В результате между управляющими усадьбой и крестьянами возникли столкновения, которые в дальнейшем рассматривались в суде.

Суд Старой Финляндии отказал фон Фридриксу в его требованиях, сославшись на налоговую ревизию 1728 года и предшествовавший ему в 1726 году указ Верховного тайного совета, на постановления новой налоговой ревизии 1765 года, а также на принятые в Старой Финляндии шведские законы. По ним дарованные земли не являлись полной собственностью владельца, а формулировки Жалованных грамот необходимо было толковать следующим образом: корона поручила свои владения дворянину, который не имеет права претендовать на большее количество налогов, чем сама корона. Фон Фридрикс пытался обжаловать решение в Правительствующем Сенате, но рассмотрение дела было положено под сукно на долгие годы.³⁸

Задержка решения Правительствующим Сенатом подорвала доверие к судебной системе, и хозяева земель стали оставлять его мнение без учета, составляя и подписывая новые контракты с крестьянами. Фон Фридрикс требовал от крестьян либо согла-

³⁸ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 198–198.

паться на заключение нового контракта, либо покинуть наделы. В результате в усадьбе повторялись жестокие стычки между крестьянами и управляющими, которые затем рассматривались в судах.

В конце концов Сенат вынес свое решение по делу в 1798 году. Согласно решению жалованные земли Старой Финляндии считались собственностью дворянина, а крестьяне не имели права покидать наделы.³⁹ Решение можно было толковать и так, что теперь хозяин имел право повышать налоги крестьян. Для фон Фридрикса подобная ситуация означала возможность перехода от модели налоговой единицы, в центре которой был конкретный надел, к модели русских подушных налогов, по которым трудовая повинность определялась общим количеством мужчин. На земле фон Фридрикса работало около 1 850 крестьян (от 15 до 60 лет), каждый из которых отработывал 26 дней трудовой повинности в году, что в целом составляло 48 100 дней в году. В дальнейшем дело по усадьбе Таубила вновь оказалось в суде, который принял решение вернуться к старой налоговой модели, снизив количество трудовых дней до 3 450 в год, что оказалось значительно меньше, чем при системе фон Фридрикса.⁴⁰

Лагманский суд пришел к компромиссу, в рамках которого были учтены приоритеты обеих сторон. Отмены модели налоговой единицы не произошло, но желаемое фон Фридриксом увеличение налогов было достигнуто поднятием трудовой повинности для каждой единицы до 326 дней. Таким образом, владелец земель получал с 46 налоговых единиц около 15 000 отработанных дней в год. Решение было обосновано неактуальностью налоговой системы 1728 года.⁴¹ Если говорить о населении, то на 1875 мужчин и женщин приходилось лишь по 8 дней трудовой повинности в год.⁴² Несмотря на это, и фон Фридрикс, и крестьяне вновь

³⁹ ПСЗ (XXV) 18 376 (15.2.1798).

⁴⁰ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 199.

⁴¹ KA. Hallitsevan senaatin aktikokoelma n: o 293, Taubilan kontrahti. S. 41–49 об.

⁴² РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 200. Л. 97. Описание Выборгской губернии 1800/1801. Согласно статистическому описанию, на землях Таубила А. И. фон Фредрикса, в Пюхяярви проживало около 1603 мужчин и 1 407 женщин, то есть всего около 3 010 жителей. Из них 1 875 — в возрасте от 15 до 60 лет. Таубила известна контрактом, увеличившим трудовую повинность крестьян, что привело к увеличению повинности и на других, мелких или средних владениях, как, например, в Саккола П. И. фон Фредрикса (старший брат) и в Пюхяярви В. П. Балясного.

попытались обжаловать решение, но Правительствующий Сенат не стал его пересматривать, а лишь рекомендовал обеим сторонам смириться с ситуацией и довольствоваться принятым решением. Следует еще раз отметить, что у крестьян Старой Финляндии трудовая повинность была значительно слабее, чем у русских крепостных, которые отработывали в среднем 150–160 дней на благо своего хозяина-дворянина.⁴³

В Старой Финляндии в период с 1798 по 1802 год было зарегистрировано около двадцати достаточно крупных крестьянских волнений, часть из которых стала следствием неподчинения приказам и налоговым законам, приведшим к рукоприкладству и стычкам. Самыми тяжелыми были признаны столкновения, которые прошли в 1775 году на землях Е. Урсинуса в Салми, как следствие волнений в среде крестьянства. Для разрешения конфликта потребовалось прибегнуть к военной силе. Подобная ситуация возникла и на потомственных землях рода Воронцовых в Куркийоки, Койтсалахти (Париккала) и Яккима, где крестьяне организовали открытое восстание против управляющих в 1781 году. В Куркийоки события приняли наиболее тяжелую форму: крестьяне вышли против комиссованных на территории солдат. В дальнейшем произошедшее разбиралось в судебных инстанциях, в результате чего дарованные земли были конфискованы в 1783 году. Граф С. Р. Воронцов вновь получил территории во владение лишь в 1797 году. По сравнению с практически ежегодными восстаниями русских крестьян, самое известное из которых — трехлетний бунт под предводительством Емельяна Пугачева, волнения в Старой Финляндии не считались крупными, но из-за близости к столице, Санкт-Петербургу, воспринимались серьезно.

Обострение ситуации на дарованных землях

Представители высшего российского дворянства, Бутурлины, Чернышевы и Шуваловы, на рубеже XVIII и XIX веков продали свои земли в Старой Финляндии российским предпринимателям. В 1793 году П. А. Бутурлин продал земли в Рускеала и Пяллярви почетному гражданину Д. И. Затрапезнову родом из Ярославля. В марте 1802 года в рамках второй заключенной сделки петербургский торговый советник М. М. Бландов купил жалованную

⁴³ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 200–201.

землю в Валкярви у тайного советника, графа Г. И. Чернышева. В рамках сделки 39 деревень и примерно 2 700 крестьян сменили владельца. Подтвердившее продажу управление Выборгской губернии передало земли Бландову «в вечное и потомственное владение». В мае 1803 года наследники И. М. Шувалова продали, в свою очередь, второй крупный комплекс земель, в который входили части волостей Муолаа и Валкярви, а также деревня Кавантсаари в волости Антреа петербургскому торговому советнику А. В. Ольхину.⁴⁴

Мотивы покупателей, которые привели к заключению этих сделок, можно было найти в расширении лесопильной промышленности, а также в стремлении коммерчески развивать сельское хозяйство, расположенное в непосредственной близости от Санкт-Петербурга. Прецедентом для рождения подобных сделок стал контракт, заключенный в Таубила, который дал Бландову и Ольхину возможность повысить трудовую повинность крестьян, направленную на оптимизацию возделывания земель и перевозок продовольственных товаров на рынки Петербурга, а также на строительство винокурен.

Во времена владения землями высшей аристократией в течение 1780–1790-х годов налоговое обложение не поднималось столь быстро, как это стало происходить после передачи территорий владельцам с более низким положением в обществе. Когда торговый советник Бландов представил крестьянам Вейккола волости Валкярви налоговый контракт с упором на трудовую повинность, то они отказались его подписывать и потребовали соблюдения налоговой ревизии 1728 года. Ситуация на территориях Бландова и Ольхина переросла в жестокие волнения, в результате которых пришлось прибегнуть к военной силе и многолетним судебным разбирательствам. В августе 1809 года суд низшей инстанции приговорил крестьян Валкярви к наказанию плетью и к ссылке в Сибирь.⁴⁵

В июне 1810 года Александр I вмешался в разбирательство дела Бландова в Правительствующем Сенате, приостановив его и передав на рассмотрение двум членам законодательной комиссии. После того как был готов отчет по делу, 10 февраля 1811 года император составил приказное письмо, согласно которому Бландов не имел права поднимать налоги крестьянам. Более того, император приказал выяснить, имел ли торговый советник

⁴⁴ J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom. S. 86.

⁴⁵ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 204.

Бландов, не обладавший дворянским титулом, право на владение жалованными землями Валкярви. Также было отдано распоряжение прояснить положение крестьян, прежде чем они опустятся до положения русских крепостных.⁴⁶

Отрицательное отношение Александра I к крепостному праву было широко известно. Вскоре после восхождения на престол в 1801 году, он амнистировал сосланного в Сибирь А. Н. Радищева, который в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) критиковал крепостное право. Также император издал в 1802 и 1804 годах специальные законы, касающиеся крестьян Эстляндской и Лифляндской губерний. Законы возвращали крестьянам наследственное право пользования наделами, а также гарантировали определенную защиту: крестьян нельзя было продавать, как русских крепостных, без земли. Мотивом для законов стало ослабление положения крестьян и волнения, которые происходили как следствие работы Лифляндской, Эстляндской и Финляндской судебных коллегий, Правительствующего Сената и армии, начиная с конца XVIII века. Новые законы, касавшиеся крестьян Эстляндии (1816) и Лифляндии (1819), гарантировали им также личную свободу. В основе законов лежал теоретический, но не практический принцип отказа от крепостной структуры: прибалтийские крестьяне получили возможность свободы передвижения и бракосочетания.⁴⁷

Улучшение положения крестьян жалованных земель поддерживал генерал, граф Г. М. Армфельт, который перешел на русскую военную службу в мае 1811 года. Идея о решении вопроса жалованных земель посредством присоединения территорий Старой Финляндии к образованному в 1809 году Великому Княжеству Финляндскому была высказана именно Армфельтом. Весной 1810 года при посредничестве статс-секретаря М. М. Сперанского он передал императору послание *Apperçu de la Situation Actuelle de la Finlande*, в котором разбирал также положение Старой Финляндии. Кроме Армфельта, Давид Алопеус, родившийся в Выборге и сделавший хорошую карьеру в российском управлении иностранных дел, говорил о различных возможно-

⁴⁶ J. R. Danielson-Kalmari. Viipurin läänin palauttaminen muun Suomen yhteyteen. Porvoo, 1911. S. 75–76.

⁴⁷ Juhan Kahk. Baron und Bauer im Baltikum. Versuch einer historisch-phänomenologischen Studie zum Thema «Gutsherrschaft in den Ostseeprovinzen. Tallinn, 1999. S. 117–132. Перевод на русский см.: Eesti talurahva ajalugu 1. Tallinn, 1992. S. 591–614.

стях присоединения Старой Финляндии к Великому Княжеству Финляндскому.⁴⁸

Присоединение Старой Финляндии к Великому Княжеству Финляндскому

Во время встречи с Александром I в мае 1811 года Армфельт узнал, что император готов пожаловать Выборгской губернии «ту же конституцию и те же формы свободы», которыми обладало Великое Княжество Финляндское.⁴⁹ За лето и осень 1811 года Армфельт подготовил предварительный план *Réflexions sur la Réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande*, который он представил императору 5 ноября 1811 года. На этой встрече Александр I принял окончательное решение о присоединении Старой Финляндии к Великому Княжеству Финляндскому с наступлением 1812 года.⁵⁰

Для Александра I и Армфельта одним из мотивов присоединения территории стало стремление улучшить положение крестьян на жалованных землях. Желанием императора было сделать финскую систему со свободными крестьянами примером для Петербурга. В свою очередь Армфельт, стремившийся к свободам, открыто ненавидел тиранию диких русских землевладельцев. Ситуация была лично важна для Армфельта также и потому, что в апреле 1812 года он приобрел жалованную землю Пукинниemi в волости Хийтола у генерал-майора А. Копьева, избавившись таким образом от самого яростного из всех противника объединения.⁵¹

Статс-советник Сперанский сыграл со своей стороны важную роль, так как провел для объединенной комиссии, состоявшей из председателей различных департаментов Государственного совета, выступление в защиту объединения. На выступлении

⁴⁸ J. Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland // HTF (= Historisk Tidskrift för Finland) 3/1997. S. 304; Kari Tarkiainen. Luonnollisten rajojen oppi ja David Alopaeuksen osuus suuriruhtinaskunnan rajojen synnyssä // HAik (= Historiallinen aikakauskirja) 4/2009. S. 397–400.

⁴⁹ Carl von Bonsdorff. Gustaf Mauritz Armfelt, III, Levnadskildring. SLS (=Svenska Litteratursällskapet i Finland) CCXXXI. Helsingfors, 1932. S. 106–111.

⁵⁰ KA. G. M. Armfeltin kok. Mk VAY 1059–1060; J. Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland. S. 304–307.

⁵¹ Matti Klinge. Itä-Suomi 1800-luvun kuviossa // Bernadotten ja Leninin välissä. Juva 1980. S. 78–80.

присутствовал император, который лично следил за тем, чтобы исход выступления был положительным. В центре внимания было стремление унифицировать гражданский кодекс Старой Финляндии, который вызывал неясности в управлении дарованными землями, а также желание возратить на территории шведские налоговые стандарты, которых придерживались до 1784 года. Сперанский был уверен, что благодаря объединению ответственность за решение проблем жалованных земель перейдет на плечи чиновников Великого Княжества Финляндского.⁵²

На основе принятого решения Сперанский составил декларацию об объединении, которую император подписал 11/23 декабря 1811. Информация, приведенная в декларации, носила административный характер, а потому ни русские чиновники, ни чиновники Старой Финляндии, ни владельцы жалованных земель не обратили на нее внимания. В десяти параграфах декларации в общих чертах определялось объединение гражданского, церковного и судебного управления Старой Финляндии с Великим Княжеством, а также говорилось о назначении специального организационного комитета для изучения и внесения предложений в канцелярию Великого Княжества по развитию губернии.⁵³

В свою очередь, подписанное 19./31.12.1811 исполнительное регулирование в рамках декларации привело в ярость Центральное управление Петербурга, а также региональных чиновников Старой Финляндии и хозяев жалованных земель. Регулирование предписывало отказаться от контрактной системы и вернуться к нормам налоговой ревизии 1728 года вплоть до того момента, пока не будет закончена новая налоговая проверка.⁵⁴

До принятия декларации не было ясности, где могла бы пролегать граница между Петербургской губернией и Великим Княжеством Финляндским после присоединения к нему Старой Финляндии. Для Карельского перешейка вопрос о границах был достаточно актуальным из-за жалованных земель. Землевладельцы считали, что юго-восточные области Выборга и Кексгольма должны быть присоединены к Петербургской губернии для решения вопроса о границах. По мнению Армфельта, границу между Петербургской губернией и Старой Финляндией необходимо было сохранить без изменений, и ему удалось заручиться

⁵² РГИА. Ф. 1164. Оп. 16. Д. 15. Л. 1–41 об.

⁵³ ПСЗ (XXXI) 24 907 (11.12.1811); КА. VSV 3/1811. 11./23.12.1811; А. Карпелер. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. S. 88.

⁵⁴ ПСЗ (XXXI) 24 934 (31.12.1811).

поддержкой Александра I в этом вопросе. Этого, тем не менее, было недостаточно для Армфельта, которому удалось добиться одобрения императора по присоединению к Великому Княжеству также и Сестрорецка. Следует отметить, что в 1864 году Сестрорецкий оружейный завод все же вернули обратно в границы Петербургской губернии.

Присоединение Старой Финляндии к Великому Княжеству Финляндскому в качестве Выборгской губернии оказалось значимым политическим решением своего времени. До этого момента не было понятно, следует ли считать Старую Финляндию частью территорий Лифляндии и Эстляндии, или же с исторической точки зрения она ближе Великому Княжеству Финляндскому, в котором также следовали шведской административной и судебной культуре. Образование Комитета Финляндских дел в ноябре 1811 года и присоединение Старой Финляндии означали, что балтийская административная модель больше не считалась примером для подражания в вопросах территориальной организации Великого Княжества.

Присоединение Старой Финляндии дало Александру I возможность решить проблемы дарованных земель без введения специальных законов. Организуя законодательство и принципы управления Старой Финляндии по образцу Великого Княжества Финляндского, император надеялся, что произойдет улучшение положения крестьян, а эре поземельной тяжбы, отягощенной административными и судебными органами, придет конец. Надежды Александра I не осуществились: незадолго до смерти в январе 1825 года он учредил Комитет по вопросам дарованных земель, который прекратил свое существование после вступления на трон Николая I. В 1826 году по дарованным землям был опубликован указ, так называемый Черный манифест, согласно которому крестьяне оставались лично свободными, но лишались права наследственного пользования наделами и становились их арендаторами.

Реализация одного из центральных мотивов присоединения, а именно изменение системы функционирования дарованных земель, остановилась на полпути как из-за противостояния обладавших властью донатариев, так и из-за пассивности чиновников Великого Княжества Финляндского. В 1830-х годах увеличилась напряженность на дарованных землях из-за выселений, и на ситуацию не могли повлиять уже ни ввод солдат, ни смертельные жертвы. Учреждение Надворного суда (Гофгерихт) в Выборге в 1839 году облегчило положение, но только решения парламента

Великого Княжества в 1863 и в 1867 годах о формировании капитала для выкупа дарованных земель, в случае их появления в продаже, открыли путь к уничтожению самой системы жалованных земель как таковой. Процесс начался в 1870-х годах, последние грамоты о праве наследования крестьяне получили лишь в 1920-х годах.

Перевод с финского Елены Вешняковой